

К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения

Приобья: топор*

Я.А. Яковлев, А.И. Боброва

г. Томск

Томский областной краеведческий музей

Одной из важнейших задач археолого-этнографических исследований на территории Западной Сибири является изучение процесса взаимодействия аборигенных и русской культур. Существенным проявлением последнего было включение в предметный комплекс культур коренных народов изделий русского ремесленного производства, которые применялись в самых различных сферах деятельности: военном деле, хозяйственных занятиях, быту, погребальной обрядности и т.д.¹

Уже может, наиболее востребованной категорией русского ремесленного производства стали топоры: начиная с XVI-XVII вв. они получили самое широкое распространение в среде коренных сибиряков. Это обстоятельство отмечено почти всеми исследователями, обращавшимися к проблемам начального этапа русского освоения Западной Сибири, поэтому изучению топоров из аборигенных памятников позднего Средневековья и Нового времени посвящена уже значительная литература². Не выпали из сферы внимания археологов и аналогичные находки из памятников русских первопроходцев: 4 топора со становища русской полярной экспедиции у острова Фаддея и в заливе Симса³, 9 целых и около 10 фрагментированных топоров из Мангазеи раскопок прежних десятилетий⁴ и др.

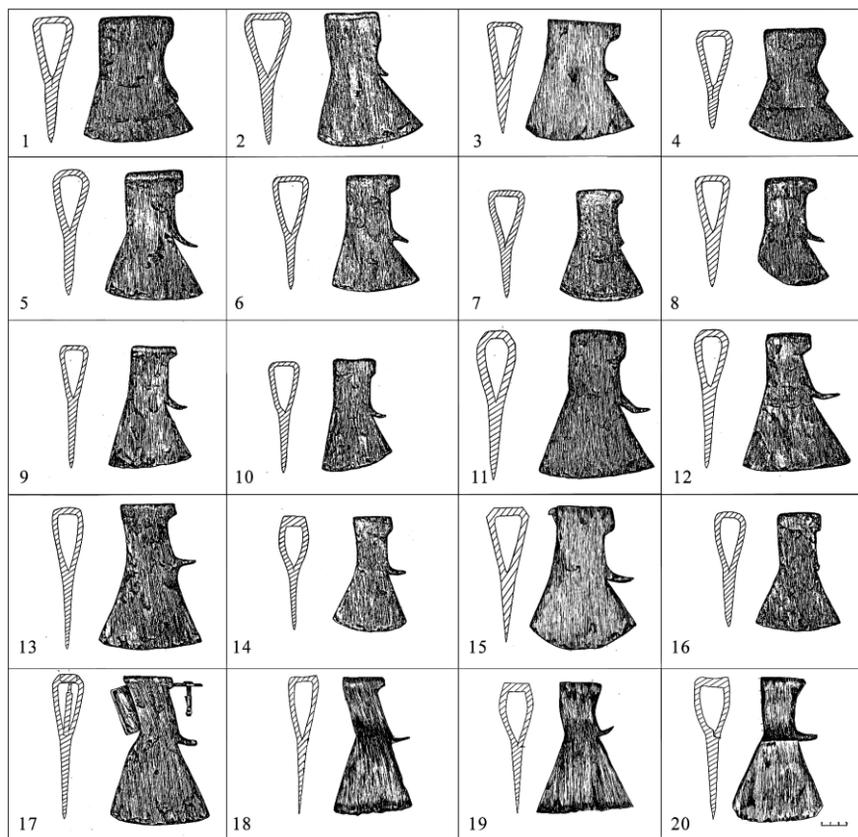
Тем не менее означенная проблема остаётся актуальной, а необходимость введения в научный оборот новых источников по ней - насущной. Поэтому целью данной публикации стало представление в печати новой коллекции топоров и некоторых замечаний о применении последних в хозяйственной, военной, бытовой и сакральной практике дорусского населения Западной Сибири.

Коллекция из Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, ставшая объектом анализа, была сформирована в ходе раскопок антропологических экспедиций В.А. Дрё-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 01-06-80408

мова в 1984, 1985, 1987 гг. Работы проводились в Ханты-Мансийском автономном округе на могильниках восточных ханты - на р. Балыке и Вандрасе, протоке Горной, оз. Соровском⁵. По нумизматическим материалам они датируются в широких хронологических рамках - от XVIII до сер. XX вв. Только два памятника можно соотнести с более узкими датами: Усть-Балыкское кладбище - с XIX - первой половины XX в.⁶, Соровское - с XVIII - XIX вв.⁷.

Ил. 1. Топоры из погребений салымских ханты XVIII - первой половины XX вв. Усть-Балыкское кладбище: 1 - мог. 15, 2 - мог. 29, 4 - мог. 14, 5 - мог. 10, 6 - мог. 19, 7 - мог. 21, 8 - мог. 17, 9 - мог. 16, 10 - мог. 20, 11 - мог. 3, 12 - мог. 9, 13 - мог. 26, 14 - мог. 5, 16 - мог. 22, 17 - мог. 2, 18 - мог. 25, 19 - мог. 28, 20 - мог. 27. Соровское кладбище: 3 - мог. 6, 15 - мог. 11

При статистической обработке и при выявлении местоположения топора в могилах в процессе корреляции последних по полу и возрасту погребённых использованы дневниковые записи В.А. Дрёмова.

В ходе работ на 6 поздних кладбищах было найдено 55 топоров (54 - целых, 1 - фрагментированный). Однако в музейные фонды поступило только 20 экземпляров: 18 - из Усть-Балыкского кладбища, 2 - из Соровского (ил. 1). Остальные были оставлены В.А. Дрёмовым на месте раскопок.

Таблица 1

**Соотношение раскопанных могил и топоров на некрополях
восточных ханты левого бережья Сургутского Приобья
XVIII - первой половины XX в.**

№ п/п	Название некрополя	Кол-во раскопанных могил	Кол-во топоров из раскопанных могил
1	Усть-Балыкское	29	19
2	Кинтусовское 1	28	8
3	Кинтусовское 2	6	1
4	Мамонтово	1	1
5	Соровское	80	26
6	Каркатеевское	4	0
Итого		148	55

Некоторые статистические выкладки можно сделать уже из анализа табл. 1.

Во-первых, налицо неравномерное распределение топоров в погребальном инвентаре: в Каркатеевском могильнике они не найдены вовсе, в Соровском могильнике каждый третий умерший (33%) был сопроводён топором, а в Усть-Балыкском - уже двое из трёх (66%). В целом, топоры были обнаружены примерно в трети раскопанных могил (37%) и по частоте встречаемости вместе с монетами находились на четвёртой позиции после фарфоровой посуды, берестяных коробок и ножей.

Во-вторых, совершенно определённа закономерность класть в могилу только один топор. Единственным исключением является погребение Соровского некрополя, где этот предмет представлен в двух экземплярах.

Распределение топоров внутри погребений чёткой закономерности не обнаруживает. В 25 могилах Соровского некрополя топоры были помещены рядом с погребёнными, а в одном случае - ещё и в засыпи могильной ямы. На Усть-Балыкском кладбище аналогичное соотно-

шение составило 12:7, на Кинтусовском 1 и Кинтусовском 2 совокупно - 5:4, на Мамонтовском - 0:1. Учитывая более ранний возраст Соровского могильника, можно ставить вопрос о сравнительно позднем появлении в погребальном обряде салымских ханты помещение топора в засыпь могилы, однако настаивать на таком выводе на основании только привлечённого материала было бы преждевременно.

Относительно погребённого топор тоже мог занимать самое разнообразное положение. Например, из 25 экз. в могилах Соровского кладбища 15 лежали около ног (11 - слева, 4 - не определено), 7 - в области тазобедренного отдела (4 - справа, 3 - слева) и 3 - у черепа (1 - справа, 1 - слева, 1 - не определено). А 5 внутримогильных топоров из Кинтусовских некрополей были распределены таким образом: 3 - в ногах, 2 - у тазобедренного отдела.

Не обнаруживается положительной корреляции между наличием топора в погребальном инвентаре и полом умершего. Если в Усть-Балыкском некрополе этот предмет тяготеет к женским погребениям (9 шт. - женщины, 6 шт. - мужчины, 4 шт. - подростки и дети), то в Соровском - наоборот (15 шт. - мужчины, 7 шт. - женщины, 1 шт. - ребёнок, 3 шт. - не определено).

Зато совершенно очевидна связь в распределении топоров по возрастным категориям: во взрослых могилах он попадает чаще, чем в подростковых или детских.

Если же обратиться не к количественным, а к качественным характеристикам тех топоров из могильников ханты р. Балыка XVIII - первой половины XX вв., что составили музейную коллекцию и стали доступны для анализа, то их можно представить в виде табл. 2 и 3.

Итоговая же характеристика всего собрания выражается следующими параметрами:

Длина общая	12,5 - 18,5 см;
Ширина лезвия	8,5 - 13,8 см;
Длина проуха	4,5 - 7,5 см;
Ширина проуха	2,0 - 3,9 см;
Длина обуха	4,7 - 8,7 см;
Ширина обуха	2,2 - 5,2 см;
Длина бородки	0,5 - 4,0 см;
Вес	440 - 600 г (8 экз.), 700 - 1000 г (7 экз.), 1001 - 1200 г (5 экз.).

Таблица 2
Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища, поступивших в музейное хранилище

Физический параметр топора	Пол / возраст погребённого																		
	Женщины								Мужчины									Дети	
	№ могилы																		
	5	9	10	15	17	25	27	29	2	3	14	19	21	26	16	28	20	22	
Длина общая (см)	13,5	16,5	15,5	14,8	13,0	15,0	15,5	15,6	17,8	18,5	13,5	14,0	13,0	17,5	14,6	13,7	13,2	13,5	
Ширина лезвия (см)	8,5	12,8	11,6	13,0	8,5	8,5	10,0	12,8	12,0	13,8	12,6	10,5	10,5	12,5	10,0	10,5	8,5	10,0	
Длина проуха (см)	4,5	5,9	7,0	6,4	6,3	5,5	5,0	7,0	6,0	7,5	5,7	6,2	5,6	6,8	5,3	4,6	5,4	6,6	
Ширина проуха (см)	2,0	2,2	3,0	2,8	3,9	2,4	2,5	3,5	3,0	2,8	2,8	3,1	3,4	2,5	2,5	2,5	2,3	2,5	
Длина обуха (см)	4,9	5,7	6,8	8,7	5,6	4,9	4,8	6,7	6,2	6,6	7,4	6,5	5,5	7,0	5,7	4,7	5,1	5,7	
Ширина обуха (см)	3,7	4,4	4,4	4,6	2,2	3,5	4,0	5,2	4,5	4,2	4,6	4,5	4,6	4,0	3,3	3,9	3,4	3,8	
Длина бородки (см)	2,5	3,5	3,5	2,0	3,3	2,0	2,1	0,7	3,0	4,0	0,5	2,0	-	2,0	2,8	2,0	1,8	-	
Вес (г)	580	1100	1060	1050	550	500	600	1150	880	1200	910	720	700	800	550	500	440	580	
Длина рукоятки (см)	-	-	-	-	-	50	35	-	-	-	-	-	-	-	-	40	-	-	

Примечание: - признак утрачен

Таблица 3
Основные параметры топоров Соровского кладбища, поступивших в музейное хранилище

Параметры топора	№ могилы	
	6	11
Общая длина (см)	12,5	15,0
Ширина лезвия (см)	12,0	11,8
Длина проуха (см)	5,5	6,0
Ширина проуха (см)	3,0	3,2
Длина обуха (см)	8,0	6,0
Ширина обуха (см)	4,0	4,6
Длина бородки (см)	1,5	3,5
Вес (г)	900	1000

Корреляция этих данных с полом и возрастом погребённых Усть-Балыкского некрополя - единственного, корректно представленного в музейной коллекции, - показана в табл. 4.

Таблица 4

Корреляция половозрастной принадлежности погребённых и физических параметров сопровождавших их топоров в Усть-Балыкском могильнике

Параметры топора		Половозрастные признаки погребённых		
		Женщины	Мужчины	Подростки / дети
Размеры	Общая длина (см)	14,8-16,5	13,0-18,5	13,2-14,6
	Ширина лезвия (см)	8,5-13,0	10,5-13,8	8,5-10,5
	Длина проуха (см)	4,5-7,0	5,6-7,5	4,6-6,6
	Ширина проуха (см)	2,0-3,9	2,5-3,4	2,3-2,5
	Длина обуха (см)	4,8-8,7	6,2-7,4	4,7-5,7
	Ширина обуха (см)	2,2-5,2	4,0-4,6	3,3-3,9
	Бородака (см)	0,7-3,5	2,0-4,0	0-2,8
Вес	Вес (г)	500-600 (4 экз.)	700-910 (5 экз.)	440-580 (4 экз.)
		1050-1150 г. (4 экз.)	1200 г (1 экз.)	

Заметно, что более мелкие по размерам и лёгкие по весу экземпляры тяготеют к детским и подростковым погребениям, а крупные и тяжёлые - к взрослым. При анализе распределения топоров в могилах взрослых видно, что наиболее лёгкие (до 600 г) и наиболее тяжёлые (свыше 1000 г) топоры были положены в женские могилы. Вес инструментов, положенных рядом с мужчинами, за единственным исключением, колебался в пределах 700-910 г, что соответствует среднему по всей коллекции.

Проблемы классификации и типологии средневековых топоров русского производства уже не раз освещались в научной литературе. Для одних исследователей источниковой базой служили коллекции, сформированные на археологических памятниках Европейской России⁸, для других - материалы из Западной Сибири. Из последних публикаций привлекает внимание разработка А.И. Соловьёва и его коллег, в основу которой положены морфологические и метрические признаки. За критерий деления проушных топоров на группы взята конструкция обуха (шпеньковые и плоскообушные), а на типы - общие пропорции, форма щековиц и тыльной стороны полотна, наличие либо отсутствие бородки и конструктивные особенности последней⁹. В целом в эту типологию укладываются и публикуемые материалы, которые можно представить следующим образом.

Отдел (по характеру соединения рукояти и рабочей части) - *проушные*.

Группа (по оформлению обуха) - *плоскообушные*.

Тип (по наличию или отсутствию бородки) - *топоры с бородкой*.

По своим морфологическим и метрическим характеристикам почти все анализируемые топоры близки современным. Они представляют собою железные клиновидные бойки с подтреугольным или каплевидным проухом и уплощенным обухом. Верхняя площадка обуха для лучшего крепления бойка с рукоятью имеет слабый или хорошо заметный выступ в сторону топорщица.

В ряде случаев с топорами были найдены узкие железные пластинчатые клинья, а также кованые четырёхгранные с широкой шляпкой или круглые фабричные гвозди. Они использовались для более прочной фиксации топорщица в проухе.

В большинстве случаев лезвия топоров имеют приподнятый носок и оттянутую в сторону топорщица пятку. Лезвия обычно широкие, трапецевидной или сегментовидной формы, слабо закругленные.

Все инструменты несут на себе хорошо различимые следы сработанности. Особенно бросаются в глаза 2 топора с сильно сточенными носками лезвия (ил. 1-4,8). Видимо, это можно объяснить их функциональным назначением.

По нумизматическим материалам, наиболее поздними являются некоторые топоры из Усть-Балыцкого некрополя: из мог. 2 (не ранее 1909 г. - ил. 1-17), мог. 26 (не ранее 1911 г. - ил. 1-13), мог. 29 (не ранее 1916 г. - ил. 1-2), мог. 27 (не ранее 1940 г. - ил. 1-20) и мог. 28 (не ранее 1952 г. - ил. 1-19).

Боле частные морфологические и метрические признаки - форма лезвия, изгиб передней и тыльной сторон полотна, длина выступа обуха в сторону топорщица, размеры бородки - позволяют выделить в типе 1 несколько вариантов.

Вариант 1 (ил. 1-1-3). Массивные топоры трапецевидной формы с асимметричным, слабо закругленным, широким лезвием и небольшим выступом верхней обушной площадки в сторону топорщица. В сечении - клиновидные. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Носок приподнят, пятка оттянута назад. Бородка имеет длину от 0,7 до 2,0 см и утолщённость у основания. По критерию изгиба передней стенки полотна можно выделить 2 подварианта.

Подвариант А (ил. 1-1,2). 2 экз. Топоры из могил 15 и 29 Усть-Балыцкого кладбища. Выделяются чётко выраженным носком, выступающим от нижней части проуха.

Подвариант Б (ил. 1-3). 1 экз. Из могилы 6 Соровского кладбища. Имеет плавный дугообразный изгиб передней стенки.

Таблица 5

Основные параметры топоров Усть-Балыцкого и Соровского кладбищ, поступивших в музейное хранилище (вариант 1)

Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 1	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина (см)	12,5-15,6	14,8-15,6	12,5
Ширина лезвия (см)	12,0-13,0	12,8-13,0	12,0
Длина проуха (см)	5,5-7,0	6,4-7,0	5,5
Ширина проуха (см)	2,8-3,5	2,8-3,5	3,0
Длина обуха (см)	6,7-8,7	6,7-8,7	8,0
Ширина обуха (см)	4,0-5,2	4,6-5,2	4,0
Длина бородки (см)	0,7-2,0	0,7-2,0	1,3
Вес (г)	900-1150	1050-1150	900

Наиболее древним в публикуемой серии топоров является экземпляр из могилы 15 Усть-Балыцкого кладбища - вариант 1, подвариант А (ил. 1-1). Он имеет слабовыраженную бородку, расположенную почти параллельно тыльной стороне изделия и отделённую на конце небольшим пропилом. Аналоги этому экземпляру известны со становища русской полярной экспедиции у острова Фаддея и в заливе Симса¹⁰, в северохантыйском могильнике Перегрёбное⁹¹¹. Хронологический рубеж появления таких топоров в кон. XVI - нач. XVII в. определён А.В. Арциховским¹². В XVII в. топоры с бородкой на обухе становятся господствующим типом бойков как на Руси, так и в Сибири¹³.

Вариант 2 (ил. 1-4). 1 экз. Обнаружен в могиле 14 Усть-Балыцкого кладбища. Топор с широким асимметричным лезвием. В сечении - клиновидный. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Верхняя часть обуха незначительно выступает в сторону топорщика. Носок приподнят и выдаётся вперёд, сточен. Бородка срезана до 0,5 м, на этом месте при переходе к тыльной стенке полотна образована ступенька. Пятка сильно оттянута назад.

Параметры изделия:

Длина общая	13,5 см;
Ширина лезвия	12,6 см;
Длина проуха	5,7 см;
Ширина проуха	2,8 см;
Длина обуха	7,4 см;
Ширина обуха	4,6 см;
Длина бородки (сохранившаяся)	0,5 см;
Вес	910 г.

Аналогичный топор был найден на межмогильном пространстве Окуневского могильника VII в Прииртышье¹⁴.

Вариант 3. 6 экз. Широколезвийные, с асимметричным лезвием. Тыльная сторона полотна сильно оттянута назад. Верхняя грань обуха уплощена, имеет хорошо заметный выступ в сторону топорича. В сечении - клиновидный. Проух подтреугольной формы, с толстыми стенками. В пяти случаях бородка чётко профилирована, в одном (могила 21) - сломана или намеренно спилена почти до основания. По морфологии передней стенки полотна и оформлению носка различаются 3 подварианта.

Подвариант А (ил. 1-5-7). 3 экз. Материалы происходят из могил 10, 19, 21 Усть-Балыкского кладбища. Носок чуть приподнят или равен по высоте пятке.

Подвариант Б (ил. 1-9,10). 2 экз. Найдены в могилах 16 и 20 Усть-Балыкского кладбища. Носок опущен вниз. Подобный топор происходит из сборов Я.А. Яковлева 1982 г. на селькупском Нёготском грунтовом могильнике в нижнем течении р. Тыма в Нарымском Приобье¹⁵.

Подвариант В (ил. 1-8). 1 экз. Происходит из могилы 17 того же Усть-Балыкского кладбища. Носок сточен и закруглён.

Таблица 6

Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища, поступивших в музейное хранилище (вариант 3)

Параметры топора	Суммированные показатели			
	Вариант 3	Подвариант А	Подвариант Б	Подвариант В
Общая длина (см)	13,0-15,5	13,0-15,5	13,2-14,6	13,0
Ширина лезвия (см)	8,5-11,6	10,5-11,6	8,5-10,0	8,5
Длина проуха (см)	5,3-7,0	5,6-7,0	5,3-5,4	6,3
Ширина проуха (см)	2,3-3,9	3,0-3,4	2,3-2,5	3,9
Длина обуха (см)	5,1-6,8	5,5-6,8	5,1-5,7	5,6
Ширина обуха (см)	2,2-4,6	4,4-4,6	3,3-3,4	2,2
Длина бородки (см)	1,8-3,5	2,0-3,5	1,8-2,8	3,3
Вес (г)	440-1060	700-1060	440-550	550

Топор подварианта А варианта 3 известен из сборов с местонахождения Тат-ягун XXXI (верховья р. Тляттыягун)¹⁶.

Вариант 4. 4 экз. Широколезвийные, с ассиметричным лезвием. Верхняя грань обуха имеет выступ в сторону топорича. В сечении - клиновидный. Проух - подтреугольный или гранёный в верхней части, с толстыми стенками. Бородка чётко профилирована. В проушой

части трёх топоров сохранились остатки деревянных рукоятей с железными гвоздями, использованными в качестве клиньев. По изгибу передней стенки полотна различаются 2 подварианта.

Подвариант А (ил. 1-11,12). 2 экз. Происходят из могил 3 и 9 Усть-Балыкского кладбища. С тупоугольной передней стенкой.

Подвариант Б (ил. 1-13,14). 2 экз. Были положены в могилы 5 и 26 Усть-Балыкского кладбища. Передняя стенка имеет дугообразную форму.

Таблица 7

**Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища,
поступивших в музейное хранилище
(вариант 4)**

Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 4	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина (см)	13,5-18,5	16,5-18,5	13,5-17,5
Ширина лезвия (см)	8,5-13,8	12,8-13,8	8,5-12,5
Длина проуха (см)	4,5-7,5	5,9-7,5	4,5-6,8
Ширина проуха (см)	2,0-2,8	2,2-2,8	2,0-2,5
Длина обуха (см)	4,9-7,0	5,7-7,0	4,9-7,0
Ширина обуха (см)	3,7-4,4	4,2-4,4	3,7-4,0
Длина бородки (см)	2,0-4,0	3,5-4,0	2,0-2,5
Вес (г)	580-1200	1100-1200	580-800

Широкий диапазон показателей, имеющийся в некоторых случаях, объясняется принадлежностью топоров к разновозрастным группам погребённых. Это хорошо видно из табл. 2 (например, могилы 3 и 5).

Вариант 5 (ил. 1-15,16). 2 экз. Найдены в могиле 11 Соровского кладбища и могиле 22 Усть-Балыкского кладбища. С симметричным округлым лезвием: носок и пятка приподняты в равной степени. Верхняя грань обуха уплощена, имеет хорошо различимый выступ в сторону топорща. В сечении - клиновидные. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Бородка - хорошо выражена, приподнята в сторону топорщ. В одном случае она намеренно обрублена или спилена (ил. 1-16).

Суммированные параметры топоров варианта 5:

Длина общая	13,5 - 15,0 см;
Ширина лезвия	10,0 - 11,8 см;
Длина проуха	6,0 - 6,6 см;
Ширина проуха	2,5 - 3,2 см;
Длина обуха	5,7 - 6,0 см;
Ширина обуха	3,8 - 4,6 см;
Длина бородки	3,0 см;
Вес	580 и 1000 г.

Вариант 6. Топоры с симметричным лезвием и подчеркнuto выступающим носком, начинающимся от нижней оконечности проушного отверстия. В сечении - клиновидные. Проух - подтреугольной формы. Бородка - чётко выраженная. Верхняя часть обуха уплощена и имеет выступ в сторону топорича. В одном из наиболее поздних топоров, обнаруженном в могиле 2 Усть-Балыцкого кладбища, обух искусственно удлинён за счёт железной пластины, крепившейся к топоричу (ил. 1-17). В ней сохранилась железная пластина-клин. В варианте 6 различаются 2 подварианта:

Подвариант А (ил. 1-17,20). 2 экз. Найдены в могилах 2 и 27 Усть-Балыцкого кладбища. Со слабо закруглённым лезвием. Аналог топору из могилы 2 известен из сборов Ю.Ф. Кирюшина на Тунгусском кладбище в бассейне р. Кёнги в левобережье Нарымского Пробыя. По монете этот материал датируется первой половиной XIX в.¹⁷

Подвариант Б (ил. 1-18,19). 2 экз. Из могил 25 и 28 Усть-Балыцкого кладбища. С прямым лезвием.

Таблица 8

Основные параметры топоров Усть-Балыцкого кладбища, поступивших в музейное хранилище (вариант 6)

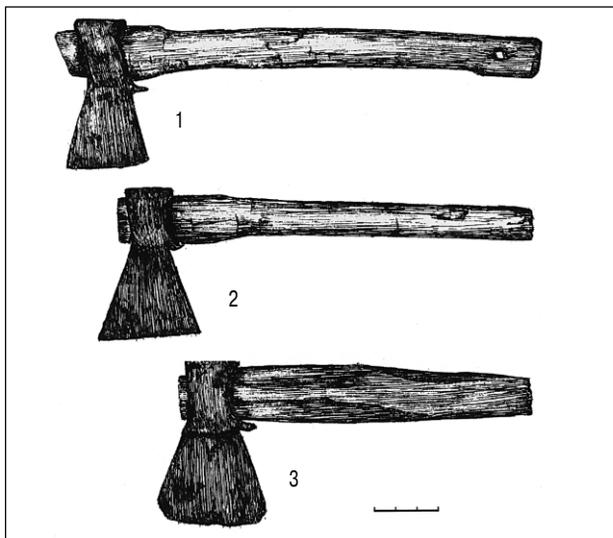
Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 6	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина (см)	13,7-17,8	15,0-17,8	13,7-15,5
Ширина лезвия (см)	8,5-12,0	8,5-12,0	10,0-10,5
Длина проуха (см)	4,6-6,0	5,5-6,0	4,6-5,0
Ширина проуха (см)	2,4-3,0	2,4-3,0	2,5
Длина обуха (см)	4,7-6,2	4,9-6,2	4,7-4,8
Ширина обуха (см)	3,5-4,5	3,5-4,5	3,9-4,0
Длина бородки (см)	2,0-3,0	2,0-3,0	2,0-2,1
Вес (г)	500-880	500-880	500-600

В трёх могилах (женских 25, 27 и подростковой 28) топоры сохранились вместе с топоричем, длина которых колеблется в пределах 35 - 50 см (ил. 2).

* * *

Ближайшие по месту и времени аналоги основной массе салымской серии топоров происходят из Юганского Приобья: из погребений (2 экз.) и межмогильного пространства (4 экз.) грунтового могильника Усть-Балык. В.И. Семеновы они объединены в тип 3 подтип 1 и датируются XIX - XX вв.¹⁸

Из района Нижнего Приобья в литературе давно известны подобные топоры из ненецких и хантыйских погребений возле Салехарда,

Ил. 2. Топоры с рукоятями из Усть-Балыцкого кладбища. 1 - мог. 25, 2 - мог. 28, 3 - мог. 27

раскопанных С.И. Руденко¹⁹ и Д.Т. Яновичем²⁰. В некрополе, исследованном С.И. Руденко, они являлись обязательным элементом погребального инвентаря («Топоры - необходимая принадлежность каждого погребения; в некоторых могилах их встречается по два...»²¹), на другом кладбище они сопровождали каждого третьего покойника²².

В погребениях селькупов Нарымского Приобья и тюрков Причулымья в указанный период - вторая половина XVIII - первая половина XX в. - топоры встречаются очень редко. Из-за слабой изученности могильников этого времени дать однозначное объяснение этому факту не представляется возможным, однако наиболее вероятной причиной представляется значительная утрата селькупам традиционного погребального обряда²³.

Зато далее на юг - в Барабинской степи - типологически идентичные салымским русские топоры тоже являются популярной категорией погребального инвентаря аборигенного населения. По классификациям, разработанным В.И. Молодиным для топоров из Кыштовского могильника II и им же вместе с В.И. Соболевым и А.И. Соловьёвым для всех позднесредневековых топоров из Барабы, публикуемая серия хантыйских материалов соответствует типу IV: «...Широкое выпуклое лезвие... Верхняя грань обуха уплощена и вытянута. Бородка чётко профилированная»²⁴.

И, наконец, если обращаться ко всей западносибирской совокупности такой категории материальной культуры, как топоры, то, согласно классификации А.И. Соловьева, топоры салымской серии соответствуют группе II типу 5²⁵.

Впрочем, аналогичные топоры русского производства в XVII - XIX вв., конечно же, были обнаружены не только в аборигенной среде Западной Сибири, но и Поволжья (марийцы, мордва, южные и, особенно, северные удмурты²⁶), Южной Сибири (группа I тип 1 по Ю.С. Худякову²⁷) и других «инородческих» регионах восточной части Российской империи.

* * *

Из вышеизложенного ясно следует, что в подавляющем большинстве случаев археологи получили топоры при раскопках погребений, а не жилищ. Помимо археологических материалов, о сопровождении умершего топором многократно свидетельствуют этнографические и фольклорные источники по традиционной культуре коренного населения Приобья²⁸, часть которых будет приведена ниже, а также письменные свидетельства исследователей и путешественников по Сибири²⁹.

При этом надо помнить, что для коренного сибиряка топоры имели огромную ценность. Во-первых, их было мало, и они были дороги. Тот факт, что для многотысячной Сибири через «златокипящую Мангазею» - главные ворота русского импорта в XVII в. - в год могло проходить только 600 - 700 штук этого инструмента³⁰, уже достаточно красноречиво. Во-вторых, большая часть этой привозной продукции оседала в хозяйствах русских новопришельцев, а не аборигенов. Если же к этому добавить непостоянство импорта и даже периоды полного запрета на ввоз в Сибирь железных изделий, в том числе и топоров³¹, то дефицит последних станет ещё более очевидным. Поэтому немудрено, что даже в XIX в. этот предмет для коренных сибиряков оставался достаточно большой редкостью. В этом отношении показательно такое свидетельство М. Кастрена 1846 г.: «На днях я подарил пострадавшему от меня самоеду топор. Это был такой редкий и драгоценный подарок, что, принимая его, бедняга растерялся совершенно и не знал, как выразить свою благодарность. Он хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова; пытался упасть мне в ноги, но узкие штаны помешали. В отчаянии он напал, наконец, на странную мысль - креститься на меня, и принялся креститься... Крещенью его не было конца»³².

Топоры берегли. Кое-где для их переноски даже шили специальные берестяные или кожаные чехлы³³. Счастливчик, нашедший столь ценную вещь, в 1641 г. бил челом самому воеводе и просил позволения оставить находку у себя. «А нам, государь, без топоров, и без ножей, и без пешен прожить невозможно», - писали манси и татары царю Фёдору Ивановичу в кон. XVI в.³⁴. И тем не менее их - эти необходимые и ценные вещи - повсеместно и массово изымали из реального мира и отправляли вместе с умершим в инобытие. Зачем? Только ли для исполнения их физических функций пусть даже и в метафизической действительности? В большинстве случаев исследователи либо не задают эти вопросы, либо отвечают на них утвердительно. Полвека назад А.П. Дульзон написал: «...У чулымских тюрков при добывании зверя и птицы главное значение имело не ружьё, а разнообразные ловушки, которые большей частью изготавливались на месте. Вот почему в погребальном инвентаре мы обязательно встречаем, независимо от возраста погребённого, топор и нож»³⁵. Почти слово в слово это же повторяют этнографы и сегодня: «Многие виды ловушек изготавливали прямо в лесу, имея при себе лишь топор или нож. О большом значении, которое имели в жизни охотника топор и нож, свидетельствует то, что в средневековых погребениях татар, хантов и селькупов эти предметы... всегда находились при покойном»³⁶. Ни в коей мере не отрицая цели прагматического использования топора в качестве орудия деревообработки в ирреальной «жизни после смерти», необходимо всё же взглянуть на функции этой вещи - столь обыденной, на первый взгляд, - шире, выходя за круг только погребальных комплексов и идей. Тем более, накопленный объём информации позволяет сделать это достаточно убедительно.

Начать необходимо с того, что топор вовсе не является атрибутом исключительно мира людей. Он может существовать и вне зримой реальности, обнаруживая при этом совершенно определённое влечение к сфере богов и героев, а не к обители злонамеренных существ. Топор, к примеру, имеют мифический «царь» ханты р. Югана по имени *Тонья*³⁷, а также два главных мужских божества обско-угорского пантеона - *Эква-Пыриц*³⁸ и его отец, сам демиург *Торум*³⁹. Последнее обстоятельство, как и вера энцев в наличие топора у грома⁴⁰, заставляют вспомнить целый пласт подобных представлений у многих индоевропейских народов⁴¹. Действительно, именно топор считался важнейшим атрибутом немалого числа громовержцев: славянского *Перуна*, балтийского *Перкунаса*, германо-скандинавского *Тора*,

древнегреческого *Зевса*, древнеиндийского *Парджаньи*, хеттского *Пирвы...*⁴² Истоком такого идейного параллелизма исследователи склонны видеть общий для всех индоевропейских народов мифологический пласт⁴³. Будет логичным данный вывод распространить и на причины сакральности топора в сибирских культурах. Некоторым подтверждением сказанному может служить, например, сибирская аналогия сюжету о даровании скифам небесным божеством некоторых предметов. В числе последних Геродот называл четыре вещи: плуг, ярмо, топор и чашу. Ханты, в свою очередь, рассказывают, что *Торум* в трудную минуту дал земному богатырю три вещи: кнут, топор и мешок живой воды⁴⁴. Нетрудно заметить, что в перечне небесных даров только топор является общим предметом.

А коль скоро этот яркий языческий символ, не случайно называемый в древнерусских христианских текстах «богомерзкой вещью»⁴⁵, может обитать и среди богов на небесах, и среди людей на земле, то ему, само собой, были приписаны сверхъестественные возможности свободного пересечения границ мифологического Космоса. Это качество обусловило множество самых разных идей. Например - о локализации топора на рубеже между реальным и ирреальным, «этим» и «тем» мирами. Это прослежено в ситуациях и ухода души от человека, и, наоборот, прихода души к человеку. Первый случай может быть проиллюстрирован представлением салымских ханты, согласно которому при перемещении из Среднего в Нижний мир душа умершего должна преодолеть несколько препятствий, в том числе и 2 топора⁴⁶. Полярное положение представлено в энецком мифе: жизнедеятельница старуха *Дя-сой* половые органы новорожденным девочкам прорубает именно топором⁴⁷. Последний пример, быть может, наиболее ярко выражает сакральную самодостаточность этого предмета, поскольку женское лоно - мифологема космической «дыры», а все обитатели последней в мифологическом сознании наделены особенно высоким священным статусом⁴⁸.

Видимо, живительная сила топора, его способность быть проводником-аниматором из сферы духов в юдоль людей распространяется не только в отношении новорожденного человека, но и нового социума. Представляется, что именно такими соображениями руководствовались ханты, когда после изгнания ненцев с р. Ваха они топором вырубали на земле огромный крест⁴⁹. Только вдохнув с помощью топора в приобретённую территорию «свою душу», оживив её именно для себя, они слились с ней в единой сакральной сфере. «Эта земля... стала

считаться хантыйской, а если придут сюда ненцы, то погибнут», - заключил информатор.

Примеры можно множить, но и приведённых, как представляется, уже достаточно для понимания того, что способность топора к преодолению границ мифологического Космоса стала одной из причин его сакрализации в мировоззрении сибирских аборигенов.

Вторым же посылом для такого вывода стала приписанная топору способность к самостоятельным поступкам, активности. Действительно, в мифологическом пространстве этот предмет может приходить в действие не только в руках богов или людей, но и в силу собственной энергетике; он не только объект, но и субъект манипулирования. Говоря иначе, он представляется живым существом, имеющим свою душу и способным к осмысленному действию. Многочисленные примеры этого ещё ждут своей очереди для дальнейшего изложения, здесь же есть смысл остановиться лишь на наиболее ярких.

Вроде вот этого из ненецкой сказки «Сын старушки»: дух, он же сын ещё более мощного духа, превращается в топор и именно в таком облике активно покровительствует добру и наказывает зло⁵⁰. Здесь топор - уже не привычное нам металлическое орудие для обработки дерева, а ипостась живого бога. Эта мифологема достаточно распространена в мировых культурах, и трудно удержаться от соблазна и не вспомнить здесь гравированный рисунок месопотамских халдеев I тыс. до н.э. с изображением установленного на троне топора, принимающего жертву от жреца, или древнеегипетский иероглиф «бог» в виде топора⁵¹.

Правда, далеко не всегда живая сущность этого предмета осмысливалась так поверхностно и прямолинейно. Чаше она принималась просто как данность, элемент традиции, не требующий объяснений. И тогда становится понятным мимолётное замечание К.Ф. Карьялайнена: «Хант может разговаривать с купленным им топором как с разумным существом, желая ему долгой жизни...»⁵².

Ещё одним проявлением (а для нас подтверждением) анимистической сущности топора стало изобразительное творчество жителей Приобья. Известно, что обские угры предпочитают давать своим традиционным орнаментальным узорам названия объектов живого мира («живого» в их понимании, разумеется). При этом наряду с всевозможными объектами фауны и флоры («оленьи рога», «заячьи уши», «ветка берёзы» и т.п.) в словник художников манси вдруг широко вошёл и топор («лезвие топора»⁵³, «с топором соболь»⁵⁴ - ил. 3). Такое, конечно же, не могло произойти случайно, а лишь под влиянием твёр-

Ил. 3. Элементы орнамента манси. 1 - «лезвие топора», 2 - «с топором соболь». Печ. по: *Фёдорова Е.Г. Орнамент на одежде и утвари манси // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. 110-113. Рис. 2-1; Сязя А.М. Семантика в орнаменте хантов Ямало-Ненецкого округа // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995. Вып. 2. С. 102. Рис. 18*

дого положения этого предмета в сфере живого. Если же учесть мнение, что нанесение орнамента само по себе является процессом анимационным⁵⁵, то из этого будет следовать не только одушевлённый, но и животворящий статус сакрализованного образа топора.

Наличие у топоров собственного имени тоже однозначно свидетельствует об их включении в сферу живого. Более того, иногда это имя оказывается даже важнее антропонима, несмотря на общеизвестную высочайшую сакральность последнего. В своё время В.Н. Чернецовым была записана любопытная мансийская сказка. Её главный герой - божество высокого ранга - поначалу именуется своим собственным именем *Эква-Пырищ*. Однако по ходу сюжета он обзаводится топором со своим личным именем *Унтвос-Лайи-Мими-Хьли*, которым заменяет свой собственный антропоним и под которым фигурирует во второй части текста⁵⁶.

Благодаря указанным выше ирреальным качествам этого предмета в бытовой и ритуальной практике сибирских аборигенов за ним твёрдо закрепилось несколько функций.

Топор-оберег. Вряд ли обитатели Приобья знали, что в иных, весьма далёких от них землях люди охраняли себя от потусторонних сил вотивными топориками, привязывая их себе на шею, подвешивая над колыбелью младенцев⁵⁷ или даря на свадьбу⁵⁸. Но для достижения аналогичных целей они тоже активно использовали тот же самый предмет. Например, вот такая ёмкая формула охранительной роли топора вложена в уста верховного мансийского божества, напутствующего своего сына *Эква-Пырища* при передаче тому бесценного дара: «В беду если попадёшь, в несчастьи окажешься или колдовать станешь, этот топорик держи».

Однако в беду и несчастье лучше не попадать, чем затем из них выпутываться. И в достижении этой цели топор был призван стать одним из главных инструментов. Активнее всего он использовался для защиты жилища - наиболее важного элемента среды обитания человека. Зафиксировано 3 способа обращения с топором-оберегом, однако пока нет достоверных данных о причинах этих различий.

В большинстве случаев топор локализовался в области порога. У ханты, манси и ненцев это следовало делать и это делалось, когда выносили из жилища шаманский бубен⁵⁹ или покойника⁶⁰, когда выводили просватанную невесту⁶¹ или вносили тушу убитого медведя для праздника⁶², когда хозяева отлучались из дома⁶³ и когда ребёнок оставляли одного⁶⁴. При этом место и положение оберега отличались большим разнообразием. Например, манси на Верхней Конде клали топор снаружи от порога (острием вверх)⁶⁵, на Сосьве - внутри жилища у порога⁶⁶, в других местах - под порог⁶⁷ и на порог⁶⁸. Последнее положение считалось нормой также у северных ханты⁶⁹ и ненцев⁷⁰. При сватовстве у манси на пороге с топором в руках становился человек из рода невесты, который выпускал просватанную из отчего дома только после выкупа⁷¹. В представленных вариантах ритуал зримо маркировал совпадение границ: с одной стороны - между обжитым и необжитым пространством, с другой - между реальным и ирреальным мирами. Вход в дом - это космическая «дыра», и поэтому он требовал магической защиты от проникновения злонамеренных сил. Топор и должен был выполнять эту функцию после каждого открытия «дыры», которые неминуемо происходили при погребении, медвежьем празднике, сватовстве, манипуляциях с шаманским бубном и т.д.

Не всегда положение топора-оберега на охране дома было физически инертным. Иногда для его благотворного воздействия на окружающих и благополучного разрешения ситуации необходимо было совершить с ним определённые действия. К примеру, нижнекондинские манси после смерти человека колотили одним топором по другому - таким образом они изгоняли из жилища душу покойного⁷².

Третья форма использования топора в качестве оберега жилища зафиксирована также у обских угров. Там раскалённый топор опускали в котёл с водой (либо просто плескали на него), и через образовавшийся пар должна была переступить «нечистая» женщина при возвращении в общий дом из отдельной постройки, куда она отселялась на период своих «критических дней» или родов⁷³. Связь её в это время с тёмными силами считалась безусловной и активной.

Топор в качестве благодетельного амулета был необходим для защиты не только жилья, но и человека либо вещи. Его, например, обязательно клали позади исполнителей ритуальных песен (*уй эрыг*) на медвежьих праздниках манси⁷⁴.

Ещё активнее этот предмет привлекали при прощании не со зверем, а с человеком, поэтому уровень варибельности был здесь гораздо выше - топор использовали практически на всех этапах погребально-поминального обряда. Манси с р. Сосьвы локализовали его в районе входа в жилище перед самой кончиной человека⁷⁵, а на р. Верхней Конде держали топор на пороге от момента смерти до погребения⁷⁶. Многие группы обских угров совершали этот ритуал сразу после прекращения дыхания упокоившегося. Северные ханты клали топор под изголовье гроба вслед за опусканием крышки⁷⁷, а юганские ханты ставили на него гроб, когда останавливались отдохнуть во время траурного шествия до кладбища⁷⁸. Чулымские тюрки практиковали захоронение топора под ступнями покойного⁷⁹. Манси Верхней Лозьвы один из топоров, которыми сооружали погребение, обязательно бросали в могильную яму рядом с гробом⁸⁰. Восточные ханты после похорон на обратной дороге от кладбища домой топор остриём назад либо клали поперёк тропы, либо втыкали в снег или в землю. Этим они предохраняли себя от нежеланного попутчика - души только что захороненного покойника⁸¹. На р. Югане во время траура топором нельзя было работать, в случае острейшей необходимости его следовало поточить⁸². Там же постукиванием топора по левому переднему углу надмогильного сооружения «будили» покойного, приходя к нему для поминовения⁸³. Скорее всего, к этому же семантическому ряду надо отнести и обычай класть топор на тушу убитого медведя на ночь, если условия не позволяли охотникам вынести добычу из леса в течение светового дня.

У челканцев на юге Западной Сибири топор в качестве преграды между живым и мёртвым мирами проник даже в шаманский ритуал: именно им шаман отгонял души живых сородичей, когда провожал в землю предков душу покойника⁸⁴.

Знак топора становился оберегом для всего, на что он наносился. В этой связи необходимо вспомнить о тамгах («знамёнах») - личных знаках сибирских инородцев. По мнению специалистов, изначально они «играли роль оберегов, имели сакральное значение»⁸⁵. Наличие в XVII в. среди этих идеограмм у манси с р. Пельма и у татар с р. Туры абриса топора⁸⁶ ещё раз убеждает нас в магической силе этого предмета.

Во всех указанных случаях охранительная роль топора обнаруживает самую тесную связь с его положением на границе реального и ирреального миров мифологического Космоса сибиряков.

И в этой связи надо обратиться к одному распространённому сюжету обско-угорского фольклора⁸⁷, во множестве использованному археологами и этнографами (в том числе и исследователями военной истории дорусской Сибири⁸⁸) в качестве источника объективной информации. Речь идёт о такой экзотической форме оборонительных военных действий: защитники крепости закрывают бойницы в стенах своими топорами, и вражеские «стрелы обратно улетают». Трудно представить себе более неэффективное поведение бойца во время штурма, и уж совсем невозможно понять подобную траекторию полёта стрел. Не может быть сомнений, что в этом сюжете нашла выражение не реалия военной тактики, а та самая вера в магически-охранительную силу топора, которая превратила его из категории материальной культуры в благоденствующий символ.

Она же, вера, скорее всего, обусловила и то обстоятельство, что положительные фольклорные герои - будь они хоть небожителями, хоть людьми - в схватках с силами зла предпочитают биться топором. Таким образом были убиты великан-людоед в ненецком эпосе⁸⁹ и спущенный с небес в наказание людям медведь из чёрного камня в хантыйской сказке⁹⁰. С одним топором выехал на встречу с вражеским войском селькупский мифологический герой *Тыссия*⁹¹. В энецких текстах топоры очень часто упоминаются в арсенале воинского снаряжения, причём не только самих энцев, но и их соседей - ненцев, зырян и т.д.⁹² Правда, изредка сверхъестественные зловредные существа (например, энецкие *Сихио* и *Амуки*) тоже вооружены исключительно топорами⁹³, и это свидетельствует об амбивалентности и древности этого сакрального образа⁹⁴.

Заботой о сакральной чистоте берега был вызван к жизни хантыйский запрет женщине переступить через топор мужчины⁹⁵.

Топор-посредник. Наиболее ярко и многообразно эта сакральная функция топора проявилась в ритуалах жертвоприношения, клятвы, покаяния и гадания, призванных наладить коммуникации между людьми и духами, реальностью и ирреальностью.

Сначала о жертвоприношениях, клятвах и покаяниях, то есть каналах односторонней коммуникации по алгоритму «отсюда туда».

Надо сразу сказать, что остаётся открытым вопрос: мог ли сам

топор выступать в роли жертвы? С одной стороны, свидетельство этого есть в записках Ф.И. Страленберга о сургутских ханты, которые в 1714 г. «выставили около своих избышек длинные шесты, а на них в качестве жертвы вывесили топор, нож, стрелу, а на других - голову лошади, а также гриву с четырьмя ногами»⁹⁶. С другой стороны, ни К.Ф. Карьялайнен, из работы которого взята только что приведённая цитата, ни А. Каннисто - признанные авторитеты в области обско-угорских языческих верований и культовой практики - в перечнях жертвенных предметов топоры не указали, хотя эти списки достаточно пространны. Нет их и в описаниях более поздних жертвенных комплексов.

Зато топор активно использовался и используется обскими уграми при принесении в жертву оленей и лошадей. Если в обыденных случаях забой животного происходит в разных формах и разным оружием, то в ритуале жертвоприношения оно умерщвляется только ударом обуха по лбу. На заключительном этапе иногда применяются и другие предметы (например, манси оглушённого оленя бьют ещё и ножом в сердце)⁹⁷, но первый шаг в обитель духов посланник людей делает с помощью топора. И это очень показательно: здесь сакральная функция чистого, благонесущего, приближенного к миру духов топора проявляется со всей определённой. Правда, не совсем ясны причинно-следственные связи этого ритуального явления. Вряд ли прав А. Голан, который полагает: топор в критской культуре приобрёл сакральность оттого, что им отрубали головы жертвенным животным⁹⁸. Это слишком однозначно и однонаправленно, в действительности и у критян, и у сибиряков могло быть как раз наоборот.

Не исключено, что топор в роли инструмента жертвоприношения где-то мог стать и источником образования топонима, поскольку примеры наречения географических объектов по священным местам в Приобье известны. По крайней мере, в топонимике ханты р. Васюгана известен гидроним *Эймынг-игай* - Топориная речка⁹⁹.

Помимо жертвоприношения, связи с миром духов требовали и ритуалы клятвы. Среди них в условиях «войны всех против всех» важнейшее место занимали процедуры заключения мира. Боги и духи, как сильнейший языческий императив, тоже должны были участвовать в этих событиях, освящая их своим авторитетом и служа важным гарантом исполнения договорённостей. В такой ситуации топор не мог не стать одним из главных участников ритуалов клятвы (вспомним закапывание томагавков североамериканскими индейцами в по-

добных случаях). По сути дела в юридической практике дорусских сибиряков только медвежья лапа могла сравниться с топором по уровню авторитетности и степени популярности.

Судя по материалам, единого механизма принесения клятвы не существовало, а значит, и роли топора были различны. Например, у обских угров зачастую в процедуре клятвы одновременно с топором были задействованы и отдельные части медведя. Л.Н. Гондатти писал, что приведённый к клятве должен были 3 раза замахнуться топором на висящий на дереве череп¹⁰⁰. Надо полагать, после такого осквернения «хозяин тайги» не мог спустить клятвopреступнику. Тем не менее бессловесная форма «медвежьей присяги», наверное, оказалась малоэффективной, и появилась иная - усиленная словесной формулой. Именно она и была принята на вооружение русскими служилыми людьми, которые своевременно и верно сообразили «приводить инородцев к шерти» через языческую, а не православную культурную практику. А.Ф. Плотников описывал этот слегка модернизированный ритуал таким образом: «...Прежде всего, на распостёртой коже медведя клались: нож, топор и другие орудия. Затем брали нож с кожи, клали на нож кусок хлеба и подавали присягавшим со словами: «Если лестию сию клятву утверждаете, будете неверно служить..., то зверь сей отомстит вам, от него умрёте; хлеб сей и нож да погубит...»¹⁰¹.

В этой процедуре заключения клятвы топор участвует в достаточно пассивной форме, однако при мировом соглашении его роль могла быть и главной. Так, в зафиксированном у восточных ханты ритуале примирения бывшие враги вставляли с топорами в руках перед жертвенником, где забивалась лошадь или корова, а затем вырубали на земле крест¹⁰² (как тут не вспомнить крест, вырубленный ханты на р. Вахе после изгнания оттуда ненцев?).

Иногда топор вообще мог быть единственным свидетелем примиряющихся сторон. Если не принимать во внимание снисходительность и ироничность, так часто демонстрируемые европейцами в адрес сибирских аборигенов, то «договор о мире и сотрудничестве» жителями Приобья в 1870-х гг. в передаче О. Финша и А. Брема заключался таким образом: «...Двое мудрецов воткнув в землю палку, повесят на неё топор, сядут подле и с серьёзным, важным видом пьют водку. ...Эта церемония, называемая *татибет*, считается заключением вечного дружеского союза, а топор вместо клятвы символически означает, что он поразит того, кто нарушит этот договор»¹⁰³.

Обращает на себя внимание заключительная часть этой зарисовки. Невозможно теперь выяснить источник вывода - умозаключение самих ли путешествующих европейцев, слова ли их информаторов, - но он прямо указывает на судебскую и палаческую роль топора в процедуре клятвы. Северные самодийцы тоже верили в способность топора изрубить клятвopреступника¹⁰⁴. Скорее всего, такое понимание возникло тогда, когда изначальная роль топора как посредника между людьми и духами уже отодвинулась в тень, а более понятные и поверхностные функции судьи и палача стали доминирующими.

В мансийской «Медвежьей песне о городском богатыре» топор выведен в качестве индикатора (судьи); он выявляет нарушение клятвы, за что следует мгновенное и жестокое наказание:

Говорит старик-богатырь города:

«Если правда, что убил я священного зверя,

Если правда, что убил я хранителя клятвы,

То попробуй перекусить

Железный обух моего топора.

Перекусишь - признаю свою вину».

Перекусывает старший брат

Железный обух топора,

Перетирает железо

В крупинки мелкие, как песок,

В крупинки мелкие, как пыль;

Со страшным рёвом...

Набрасывается на богатыря

И разрывает его в клочья...»¹⁰⁵.

Если А.И. Якобий не ошибся в семантике виденного им ритуала, то у казымских манси в кон. XIX в. топор участвовал и в покаянии - акте, требующем безусловного контакта человека с высшими силами. В своём докладе в Тобольском музее профессор кратко представил этот ритуал в такой форме: провинившийся тихо раскачивает подвешенный над ним топор лезвием вверх и «поёт священную формулу»¹⁰⁶.

Гадание, в отличие от жертвоприношения, клятвы и покаяния, представляет собою вопрос людей и ответ свыше, то есть является образцом двусторонней коммуникации по принципу «отсюда туда - обратно». Топор и здесь играл весьма важную роль, особенно в культуре обских угров. У них, например, была особая категория шаманов - гадателей на топоре и сабле¹⁰⁷. Манси называли их *пенге-хум*¹⁰⁸. Сфера их метафизической практики была достаточно конкретной - выясне-

ние причин заболевания пациента и предсказание будущего¹⁰⁹. Именно после гаданий на топоре северные ханты и ненцы приняли три важнейших решения в ходе драмы Казымского восстания 1933-1934 гг.: сначала - об отказе подчиняться советской администрации, затем - о захвате заложников, и, наконец, - о казни последних. Каждый раз устами шамана озвучивалась неоспоримая воля высших сил¹¹⁰.

Механизм гадания на топоре был построен на идеомоторных функциях человеческого организма и известен сегодня всем фокусникам и артистам психологического жанра. Он достаточно прост: топор подвешивали либо на гвоздь в стене, либо на руку, и по его колебаниям шаман объявлял результат гадания. Любопытно замечание одного из информаторов, что для подобных действий годился не абы какой топор, а «охотничий» (он по массе меньше «плотничного»)¹¹¹.

У северных самодийцев тоже были гадатели с помощью топора и ножа (тундровые ненцы звали их *сабодэ*, ненцы Обь-Енисейского междуречья - *самбона*). Однако их цель была иной, нежели у манси или ханты: после смерти сородича, за которой следовала обязательная откочёвка на новое место, они устанавливали контакт с покойным. Другим был и механизм спиритического сеанса. Вот как его описывал участник действия: «*Сабодэ* взял кусок чурки, на которой рубят дрова, и сел к двери с той стороны, в которую уходит покойник*. Чурку перед ним положили. Теперь он топор в руки взял. Кладёт топор на чурку, конец топорщика у него на коленях. Ещё кусок земли чёрной, взятой в *мэро***, положили на конец чурки. Эта земля называется *дубо...* Теперь *сабодэ* взял старухин*** ножик в руку. Теперь ножом постукал по топору, потом стал пихать нож под лежащий на чурке топор. Подпёр голову рукой и стал этим ножом поднимать топор. Конец рукоятки на колене нисколько не поднимается, как приклеен, а топор поднимается вместе с чуркой, будто она к нему прилипла. Вот говорит *сабодэ*: «Слушайте! Ты, старуха! Где-то муж твой оставил свою постелю. Он хотел из неё малицу под парку шить, а ты её оставила?». «Хоу! - старуха говорит, - я хотела шить ему малицу, уж дошла до половины, но не оставила ему». «Что же, унесёшь ты её туда к покойнику? Он-то просит её, говорит: пусть её мне оста-

* С северной стороны. Любопытно, что в этом случае, как и в серии вышеописанных, топор помещался в дверном проёме - на пограничье миров.

** Мэро - сооружённый над покойником чум.

*** Старуха - жена умершего.

вят». «Унесу, завтра же унесу», - старуха говорит. Теперь стал поднимать топор, чурка осталась на земле, а топор от неё отделился. Опять ножом постучал по топору..., опять стал ножом топор поднимать, опять чурка поднимается вместе с ним. Это земля *дубо* из *мэро* говорит, и оттого топор то прилипал к чурке, то отделялся»¹¹².

Подобный обряд гадания на топоре практиковали перед захоронением и соседи энцев и ненцев - северные ханты и манси. По тяжести поставленного на топор гроба они определяли причину смерти, последнюю волю умершего в части наследства и числа жертвенных оленей, будущее родственников¹¹³.

Не исключено, что топор использовался не только при гаданиях, но и в шаманских камланиях. У ненцев отрывочные сведения об этом сохранились в фольклоре¹¹⁴, у эвенков зафиксирован строжайший запрет касаться кому бы то ни было топора шамана¹¹⁵.

Топор-символ. Прежде чем обратиться к семиотическому статусу топора в культуре дорусского населения Приобья эпохи позднего Средневековья и Нового времени, необходимо хотя бы вскользь коснуться его физической прагматики.

В мировой культуре топор бифункционален, он выполняет производственные и (или) военные задачи. При этом критерии для расчленения этой категории артефактов по прагматике не выработаны до сих пор, и давняя дискуссия накопила уже немалое число аргументов с обеих сторон¹¹⁶. Есть попытки опереться на морфологические признаки: например, считать топоры клиновидного сечения - производственными, листовидного и усечённо-ромбического сечения - смешанными, обушковые и вислообушные - боевыми¹¹⁷. Другие исследователи предлагают считать важнейшим признаком для деления топоров на боевые и рабочие не форму, а размер и вес¹¹⁸. Однако часто производственные и боевые топоры типологически нерасчленимы (на это качество русских образцов указывали А.А. Спицын¹¹⁹, М.Г. Рабинович¹²⁰ и др.). В таких случаях отсутствует и тот единственный критерий, который может стать основой для выяснения их функциональной ориентации, и в таких случаях надо очень осторожно подходить к выделению такой категории оружия, как боевые топоры.

Сказанное в полной мере относится и к Приобью. Здесь с определённой можно утверждать бытование лишь производственных топоров, то есть орудий труда, предназначенных для использования в хозяйственных целях. Вопрос о специализированных военных топо-

рах и широком применении этих орудий в бою, особенно в эпоху позднего Средневековья, остаётся пока открытым.

Производственные топоры разделялись на 2 вида. Одни были предназначены для рубки и деревообработки и эксплуатировались преимущественно в посёлке. Они доминировали и в размерах, и в весе. Такие инструменты имели собственное название, переведённое на русский язык словом «плотничные». Поскольку у сибирских аборигенов заготовка дров входила в сферу традиционно женских занятий, они и принадлежали, преимущественно, женщинам. А факт разделения топоров на мужские и женские у тех же ханты общеизвестен¹²¹. При учёте этих обстоятельств становится понятным отмеченное в Усть-Балыкском кладбище тяготение крупноразмерных экземпляров топоров к женским погребениям.

Второй тип традиционных топоров был ориентирован на промысловые цели, на работу в лесу и на водоёме (прежде всего, на установку ловушек и устройство запоров). Поскольку для расчистки охотничьего путика и долгих лесных переходов нужны более лёгкие и мелкие топоры, чем для колки дров в посёлке, мужские инструменты таковыми и были. Обские угры называли их «охотничьими». У других этносов подобные специальные определения не зафиксированы, но функциональное различие подчёркнуто неоднократно. Так, мифологический герой энцев *Солда* в одном из текстов основными орудиями охоты называет лук и топор¹²².

И в этой связи становится понятной цитата из мансийской «Медвежьей песни о ревнивом муже», когда мужчина при необходимости в большом топоре просит его у женщины:

Вошёл в наш дом и говорит:

«Старшая сноха, дай мне плотничный топор

Величиной с оленью лопатку»¹²³.

На производстве и широком использовании боевых топоров в древних, средневековых и традиционных культурах лесного Приобья, вроде бы, никто не настаивает, тем более аргументированно. Да и сложно это делать, коль местные археологические материалы не дают специализированных форм такого оружия, а несколько всё же обнаруженных образцов являются исключительно импортными. Более того, за редким исключением¹²⁴, исследователи не включают топор в основной оружейный комплекс жителей лесной зоны Западной Сибири ни в раннем железном веке¹²⁵, ни в Средневековье¹²⁶. В эпоху раннего железа даже у ближайших соседей - носителей лесостепных культур,

в том числе и скифского облика, - боевые топоры либо были неизвестны вовсе, либо не имели широкого распространения, будучи функционально заменёнными чеканами. В отношении тагарцев это было отмечено С.В. Киселёвым¹²⁷, Н.Л. Членовой¹²⁸, А.И. Мартыновым¹²⁹ и др. На одновременное использование топора в производственных и военных целях сарматами Приуралья указывал К.Ф. Смирнов¹³⁰. Со всем не вспоминает о топоре в своей подборке оружия населения лесостепного Алтая Г.Е. Иванов¹³¹.

Только в период Средневековья, особенно с формированием в Южной Сибири во второй половине I тыс. кочевнических цивилизаций, в степное и лесостепное Приобье пришли небольшие боевые топоры проушного типа¹³². Проникли они и в Приуралье¹³³. Но в лесной зоне Западной Сибири проушные топоры по-прежнему не имели боевой специализации и широкого применения в военном деле, хоть и стали со второй половины I тыс. широко распространённой категорией инвентаря и даже, скорее всего, продуктом собственного изготовления¹³⁴.

Очень слабое наличие в средневековых археологических материалах лесной зоны Западной Сибири импортных боевых топоров и отсутствие достоверных данных о применении топоров в качестве боевого оружия не помешали некоторым исследователям наделять этими функциями топоры обычных форм. Как правило, это делается в адрес тех экземпляров, что обнаружены в погребениях. При этом аргументация либо отсутствует вовсе¹³⁵, либо заключается в двух пунктах.

Первый. Военные формирования лесной полосы Западной Сибири эпохи Средневековья имели не профессиональный, а милиционный характер, что вело к всеобщему вооружению мужской части населения. Последнее же обстоятельство, с учётом охотничьей специализации местного хозяйства, обусловило появление типов универсального оружия, годного и для производственных, и для боевых целей - топора, ножа, пальмы... С этим трудно не согласиться, но подобные рассуждения обосновывают только возможность, а не доказательство применения топоров для военных целей.

Вторым пунктом аргументации о существовании боевых топоров стали отсылки к фольклорным текстам, особенно к героическому эпосу, где эта категория оружия действительно фигурирует. Более того, в некоторых публикациях устное народное творчество стало единственным источником и единственным доказательством заявленного вывода в адрес селькупов¹³⁶, эвенков¹³⁷, хакасов¹³⁸ и др.

Однако фольклор - слишком специфический вид источника для подобных прямолинейных выводов, а топор - слишком сакральный предмет для однозначного прочтения его образа в тексте. Не случайно же крупнейший знаток обско-угорского фольклора С.К. Патканов написал: «Топоры редко употреблялись в битвах. Они были скорее орудием для домашнего употребления..., но также применялись для разрушения вражеских палисадов и во время охоты на зверя»¹³⁹. При этом, как указывал тот же автор, «кажется, не все простые люди имели топоры, и большая часть из них была обречена на бездействию»¹⁴⁰.

Фольклор фиксирует только 3 формы применения топора в фортификационных сражениях: нападавшие рубят им деревянные заграждения, обороняющиеся - прикрывают бойницы от стрел и перерубают крепёж подвешенных тяжёлых брёвен для поражения подступивших под стены врагов¹⁴¹. Во всех указанных случаях топор используется вовсе не в качестве боевого оружия, а как обычный рабочий инструмент.

Оружием он становится, в подавляющем большинстве случаев, в поединке главного героя со всякого рода нечистью, и в этом, как уже говорилось выше, находит своё выражение сакральная, а не физическая прагматика этого оружия. Топор для боя между людьми упоминается в фольклорных текстах чрезвычайно редко («Будем сражаться топором и мечом», - говорит по ходу одного из сюжетов жених отцу невесты¹⁴²).

Представляется, что нет достаточных оснований включать топор в основной оружейный комплекс средневекового населения Приобья и приписывать ему ту активную роль в боевых действиях, что с бесспорностью существовала, скажем, у южносибирских кочевников, в Европе или на Руси. Можно лишь предполагать, что топор, специализированный на выполнении охотничьих задач, мог входить в разряд вспомогательного оружия и эпизодически использоваться в боевых действиях.

И это обстоятельство одним из своих следствий имело слабую разработку семиотической функции топора, что достаточно странно при учёте его высокого сакрального статуса. Действительно, символика топора получила активное идейное и художественное развитие вплоть до включения в партийную, церковную и даже государственную геральдику там, где существовали боевые модификации этого предмета¹⁴³. Именно они, а не хозяйственные топоры, стали прообразом

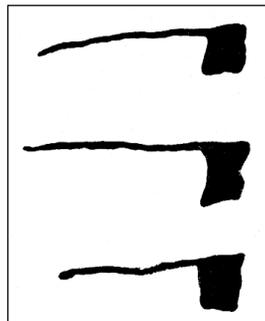
символа, имевшего потом богатую историю и разнообразное художественное воплощение.

А вот в Приобье, в отличие от того же пояса - тоже весьма распространённого элемента местных погребальных комплексов эпохи позднего Средневековья и Нового времени¹⁴⁴, образ топора не образовал сложной знаковой системы. Зафиксировано лишь несколько фактов его семиотической нагрузки.

Социальный символ. Ещё в раннем железном веке кельты маркировали высокий социальный статус мужчин-воинов - об этом свидетельствуют материалы кулайских могильников III-II вв. до н.э. из Новосибирского Приобья¹⁴⁵. В XVII в., как уже говорилось выше, у пельмских манси и туринских татар зафиксированы тамги в виде топора (ил. 4). При этом статус социума, который они обозначали, был очень высоким - выше родового¹⁴⁶. Параллельно с идеограммой образ топора мог принять и форму антропонима, с которым идентифицировался как отдельный человек, так и род. В Приобье примеры этого нам неизвестны, но у эвенков р. Подкаменной Тунгуски зафиксирован род *Хукочар* или *Хукогир*, название которого образовано от слова *хуко* - «топор»¹⁴⁷.

Сакральный символ. Видимо, самым распространённым сюжетом сибирского фольклора надо признать сюжет о перебрасывании богатырями топора через реку. Во множестве редакций он зафиксирован у ненцев¹⁴⁸, васюганско-ваховских¹⁴⁹ и нижеиртышских¹⁵⁰ ханты, кетских¹⁵¹ и тымских¹⁵² селькупов, так называемых карагасов с р. Шегарки¹⁵³, русских старожилов Нарымского края¹⁵⁴ и т. д. В этом незамысловатом, но очень ярком рассказе нашла своё выражение всё та же вера в особые метафизические возможности топора, который на этот раз стал своего рода индикатором и показателем сакральной силы фольклорных героев (ил. 5).

В мифологическом пространстве дорусских культур Приобья топор не ограничивал своё назначение физической прагматикой реального мира - исключительно инструмента деревообработки либо боевого оружия. По причине его ирреальных способностей к преодолению

Ил. 4. Тамги манси XVII в. Пельмского уезда. 1 - Григорий Сармашев из Верхпельмской волости, 2 - Пётр Абышкин из Низтавдинской волости, 3 - Осеркул Молошин из Тахтанской волости. Печ. по: Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 49. Табл. 24-13,28,48

границ космических миров и самостоятельному функционированию образ топора был полисемантичен, а функции достаточно разнообразны. Поэтому и в состав погребального инвентаря он, наравне с некоторыми иными предметами (прежде всего - поясом и котлом¹⁵⁵), включался не только (и не столько) в качестве орудия или оружия, но и оберега, посредника меж людьми и духами, социального и сакрального символа.

Примечания

¹ Худяков Ю.С. Находки топоров русского производства в памятниках коренного населения Южной Сибири эпохи позднего Средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 182.

² Молодин В.И., Соловьёв А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири / Изв. кафедры археологии. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 105-120; Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. С. 63-71; Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 90-98; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. С. 38-43; Семёнова В.И. Предметы вооружения из погребений могильника Усть-Балык (конец I - II тыс. н.э.) // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень, 1995. С. 78-79; Худяков Ю.С. Находки топоров русского производства в памятниках коренного населения Южной Сибири эпохи позднего средневековья...; и др.

³ Станкевич Я.В. Бытовой инвентарь // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.;Л., 1951. С. 167. Табл. VIII-2-4; IX-1.

⁴ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. М., 1981. Ч. II. С. 81.

⁵ Полевая документация указанных полевых работ В.А. Дрёмова хранится в Кабинете антропологии Томского госуниверситета, археологическая коллекция - в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета (№ 7605).

⁶ Дрёмов В.А. Полевая документация за 1985 г. // Архив Кабинета антропологии ТГУ. Без №. С. 121, 157, 170, 174, 186, 187.

⁷ Дрёмов В.А. Полевая документация за 1987 г. // Архив Кабинета антропологии ТГУ. Без №. С. 139.

Ил. 5. Тимофеев А.Д. (г. Томск). Рождение реки.

«Есть у нас на Кети посёлок Максимкин Яр, а рядом с ним большая возвышенность с названием Богатырская гора. И лес на ней называется Богатырским бором. Говорят, что когда-то боролись здесь два воина. Один кинул копьё, оно не долетело до противника. Однако прорубило лес и землю - там и пролегла потом река Кеть, разделившая сосновый бор своим руслом. Другой же силач кинул топор и также не докинул до врага. В том месте пролегла речка Анга. Кеть и Анга вместе образуют остров, который и зовётся ныне Богатырской горой». (Из полевых записей Н.А. Тучковой, г. Томск)

⁸ Спицын А.А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // Мат-лы по археологии России. СПб., 1896. № 20; Он же. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // Мат-лы по археологии России. СПб., 1903. № 29; Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI-XII вв. // Советская археология. М., 1960. № 1. С. 70-90; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II / Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 26-46; и др.

⁹ Молодин В.И., Соловьёв А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2... С. 107; Молодин В.И. Кыштовский могильник... С. 64-65; Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири... С. 92; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 38.

¹⁰ Станкевич Я.В. Бытовой инвентарь... Табл. VIII-2-4, IX-1.

¹¹ Морозов В.М. Некоторые черты погребального обряда хантов Нижней Оби в конце XIX - начале XX вв. // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 157-165. Рис. 2-2.

¹² Взято из: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 81.

¹³ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 82.

¹⁴ Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII) // Новое в археологии Прииртышья. Омск, 2003. Вып. 3. Рис. 10-1.

¹⁵ Фонды Музея археологии и этнографии Сибири Томского госуниверситета. № 7420.

¹⁶ Труфанов А.Я., Поплевин С.А. Находки на р. Тляттыгуне // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2003. Вып. 1. С. 80. Ил. 2-6.

¹⁷ Кирюшин Ю.Ф. Отчёт об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета летом 1973 г. / Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 594-1. С. 33. Рис. XXX.

¹⁸ Семёнова В.И. Предметы вооружения из погребений могильника Усть-Балык... С. 78-79; Она же. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. С. 44-45. Табл. 22.

¹⁹ Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Мат-лы по этнографии России. СПб., 1914. Т. II. С. 37.

²⁰ Могильников В.А. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. II. С. 266.

²¹ Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска... С. 37.

²² Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обского Севера в XIX в. М., 2001. С. 42. Рис.75.

²³ Боброва А.И. Погребения XVIII - XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 154; Боброва А.И. Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде восточных хантов // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Омск, 2002. С. 79.

²⁴ Молодин В.И. Кыштовский могильник... С.66. Табл. XXXI; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 40. Рис. 36-4,5.

²⁵ Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири... С. 94. Рис. 33-3, 4.

²⁶ Шутова Н.И. Удмурты XVI - первой половины XIX в. Ижевск, 1992. С. 45-47. Рис. 53-11.

²⁷ Худяков Ю.С. Находки топоров русского производства в памятниках коренного населения Южной Сибири эпохи позднего средневековья... С. 185-186.

²⁸ Бытовые рассказы энцев / Зап., введ. и коммент. Б.О. Долгих // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. М., 1962. Т. LXXV. С. 213; Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII-XX вв. Селькупы. Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 356, 368.

²⁹ Шухов И.Н. Река Казым и её обитатели // Ежегодник Тобольского губернского муз. Тобольск, 1915. Вып. 26. С. 36. Из письма шведского военнопленного Ф.И. Табберта (Страленберга) своему земляку К. фон Вреху о «живущих у реки Оби остяках»: «Когда кто-либо умирает, они выдалбливают чурбан, заворачивают труп в лосиную шкуру и кладут его туда, закапывают в подходящем месте в лесу, кладут туда же его лук, стрелы, копье, топор и котёл...».

³⁰ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 91.

³¹ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 82; Дёмин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 98.

³² Из письма асессору Раббе. Туруханск 13 (25) июля 1846 г. Кастрен А.М. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838 - 1844, 1845 - 1849 гг.) // Магазин земледелия и путешествий. М., 1880. Т. 6. С. 345.

³³ Скобелев С.Г. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 39.

³⁴ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 82.

³⁵ Дульзон А.П. Чумынские татары и их язык // Учён. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Томск, 1952. Т. IX. С. 100.

³⁶ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 30.

³⁷ Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. (Сер. «Сказки и мифы народов Востока»). С. 178.

³⁸ Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935. С. 50.

³⁹ Мифы, предания, сказки хантов и манси... С. 41.

⁴⁰ Бытовые рассказы энцев... С. 110.

⁴¹ Ш[тернбе]рг Л. Топор // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. СПб., 1901. Т. XXXIII-A. С. 534.

⁴² Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 151.

⁴³ Иванов В.В., Топоров В.Н. Перун // Мифы народов мира / Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 306; Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология / Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 529-530.

⁴⁴ Мифы, предания, сказки хантов и манси... С. 409.

⁴⁵ Иванов В.В., Топоров В.Н. Перун... С. 306.

⁴⁶ Фёдорова Е.Г. Похоронная обрядность // Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 230.

⁴⁷ Мифологические сказки и исторические предания энцев / Зап., введ. и коммент. Б.О. Долгих // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. М., 1961. Т. LXVI. С. 110.

- ⁴⁸ Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литьё в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. С. 216-217.
- ⁴⁹ Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. С. 31.
- ⁵⁰ Терещенко Н.М. Маленький охотник: Ненецкие сказки. Архангельск, 1955. С. 68-78.
- ⁵¹ Ш[тернбе]рг Л. Топор... С. 534.
- ⁵² Цит. по: Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С. 158.
- ⁵³ Фёдорова Е.Г. Орнамент на одежде и утвари манси // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. 110-113. Рис. 2-1.
- ⁵⁴ Сязи А.М. Семантика в орнаменте хантов Ямало-Ненецкого округа // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995. Вып. 2. С. 102. Рис. 18.
- ⁵⁵ «Мансийские женщины любят украшать свою меховую одежду орнаментом и тем самым оживлять её» (Ромбандеева Е.И. Мансийские орнаменты и их названия // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 115).
- ⁵⁶ Чернецов В.Н. Вогульские сказки... С. 50.
- ⁵⁷ Ш[тернбе]рг Л. Топор... С. 533.
- ⁵⁸ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 545-547.
- ⁵⁹ Kannisto A. Materialien sur mythologie der Wogulen. Helsinki, 1958 / Пер. Р.А. Моссиенко. Гос. публ. науч.-тех. биб-ка СО РАН. Перевод № 14382/1. Рукопись. Новосибирск, 1988. С. 285.
- ⁶⁰ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1994. Т. I. С. 98; Kannisto A. Materialien sur mythologie der Wogulen... С. 42; Соколова З.П. О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 175; Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 205.
- ⁶¹ Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 203.
- ⁶² Источники по этнографии Западной Сибири... С. 224.
- ⁶³ Головнёв А.В. Говорящие культуры... С. 274.
- ⁶⁴ Головнёв А.В. Говорящие культуры... С. 252.
- ⁶⁵ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 42.
- ⁶⁶ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 43.
- ⁶⁷ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 285.
- ⁶⁸ Соколова З.П. О некоторых погребальных обычаях... С. 175.
- ⁶⁹ Соколова З.П. О некоторых погребальных обычаях... С. 175.
- ⁷⁰ Головнёв А.В. Говорящие культуры... С. 205.
- ⁷¹ Источники по этнографии... С. 203.
- ⁷² Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 42.
- ⁷³ Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 22; Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 94.
- ⁷⁴ Источники по этнографии... С. 244.
- ⁷⁵ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 43.
- ⁷⁶ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 42.
- ⁷⁷ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов... Т. I. С. 96.
- ⁷⁸ Фёдорова Е.Г. Похоронная обрядность... С. 228.
- ⁷⁹ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема проис-

хождения чулымских татар // Учён. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1953. Т. X. С. 208-209, 212; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 120.

⁸⁰ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 34.

⁸¹ Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001. С. 229; Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов... Т. I. С. 100; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири... С. 156.

⁸² Фёдорова Е.Г. Похоронная обрядность... С. 236.

⁸³ Фёдорова Е.Г. Похоронная обрядность... С. 233.

⁸⁴ Кулёмзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII-XX вв. Кумандинцы, челканцы, тубалары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 341.

⁸⁵ Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Знамёна манси (вогулов) Пельмского уезда. XVII в. // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 168.

⁸⁶ Оглоблин Н. Остяцкие «знамёна» XVII века // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 135-149; Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 49. Табл. 24-13, 28, 48; 25; 26-7, 14; Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Знамёна манси (вогулов) Пельмского уезда. XVII в.... Табл. 1-38.

⁸⁷ Материалы по фольклору хантов... С. 42.

⁸⁸ Соловьёв А.И. Военное дело... С. 141.

⁸⁹ Эпические песни ненцев. М., 1965. С. 691-692.

⁹⁰ Зенько А.П., Шарапов В.В., Криницкий А.Я. Ханты озера Пяку-то // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень, 1995. С. 106.

⁹¹ Сказки народов Севера. М.; Л., 1959. С. 153.

⁹² Мифологические сказки и исторические предания энцев... С. 130, 131, 139, 204

⁹³ Мифологические сказки и исторические предания энцев... С. 74, 146.

⁹⁴ Есть мнение о возникновении культа топора в Евразии «не позднее VII тысячелетия до н.э.» (Мерперт Н.Я. Ритуальные модели топоров из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975).

⁹⁵ Материалы по фольклору хантов... С. 187. № 45.

⁹⁶ Цит. по: Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. II. С. 39.

⁹⁷ Kannisto A. Materialien sur mythologie... С. 227.

⁹⁸ Голан А. Миф и символ... С. 150.

⁹⁹ Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Васюгана // Учён. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск, 1962. Т. XX. Вып. 2. С. 141.

¹⁰⁰ Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Тр. этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1888. Кн. VIII. С. 78.

¹⁰¹ Плотников А.Ф. Нарымский край // Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1901. Т. X, вып. 1. С. 42.

¹⁰² Пелих Г.И. Происхождение селькупов... С. 275.

¹⁰³ Финш О., Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 373.

¹⁰⁴ Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771 - 1772 гг.). М.; Л., 1947. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. V. С. 51.

¹⁰⁵ Авдеев И.И. Песни народа манси. Омск, 1936. С. 49-50; Мифы, предания, сказки хантов и манси... С. 317.

- ¹⁰⁶ Такой далёкий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 29.
- ¹⁰⁷ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1996. Т. 3. С. 209; Источники по этнографии... С. 154; Калтащ-Анки / Пер. и ком. Т. Молданова // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1995. Вып. 2. С. 147. Сн. 30.
- ¹⁰⁸ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири... С. 188; Гемуев И.Н. Мироззрение манси... С. 87.
- ¹⁰⁹ Kannisto A. Materialien sur mytologie... С. 281, 286, 292, 305, 306.
- ¹¹⁰ Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933-1934 гг. Новосибирск, 2003. С. 55-56, 74, 76.
- ¹¹¹ Kannisto A. Materialien sur mytologie... С. 306.
- * С северной стороны. Любопытно, что в этом случае, как и в серии вышеописанных, топор помещался в дверном проёме - на пограничье миров.
- ** *Мэро* - сооружённый над покойником чум.
- *** Старуха - жена умершего.
- ¹¹² Бытовые рассказы энцев... С. 76.
- ¹¹³ Соколова З.П. Похоронная обрядность. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 133.
- ¹¹⁴ Пушкарёва Е.Т. Отчёт о фольклорной экспедиции в Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области // Фольклор народов Севера СССР. Л., 1980. С. 106.
- ¹¹⁵ Воскобойников М.Г. Бытовая сказка эвенков // Фольклор народов Севера СССР. Л., 1980. С. 41.
- ¹¹⁶ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... С. 80.
- ¹¹⁷ Цыб С.В. Каменные «боевые» топоры Западной Сибири // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 9.
- ¹¹⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 281.
- ¹¹⁹ Спицын А.А. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // Мат-лы по археологии России. СПб., 1903. № 29. С. 37.
- ¹²⁰ Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX-XV вв. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 88.
- ¹²¹ Материалы по фольклору хантов... С. 187. № 45.
- ¹²² Мифологические сказки и исторические предания энцев... С. 44.
- ¹²³ Авдеев И.И. Песни народа манси... С. 63.
- ¹²⁴ При характеристике инвентаря кулайских могильников Каменный Мыс и Орданское I Т.Н. Троицкая включила кельты в раздел «Вооружение» (Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. С. 11-12, 23). Это вызвало критику со стороны Л.А. Чиндиной, с которой мы полностью согласны (Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 28).
- ¹²⁵ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... С. 36.
- ¹²⁶ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. С. 111.
- ¹²⁷ Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 202.
- ¹²⁸ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967. С. 31.
- ¹²⁹ Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 44.
- ¹³⁰ Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 165.
- ¹³¹ Иванов Г.Е. Вооружение племён лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6-27.

¹³² Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 68; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск, 1989. С.50.

¹³³ Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII-XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 178-179.

¹³⁴ Молодин В.И., Соловьёв А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2... С. 112-114; Молодин В.И. Кыштовский могильник... С. 68-69; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 42.

¹³⁵ Например: Соловьёв А.И., Мыльникова Л.Н. Топор с клеймом из могильника Кыштовка I // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 121; Ожередов Ю.И. Захоронение селькупского воина // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 110-112; Коников Б.А. Таёжное Прииртышье в X - XIII вв. Омск, 1993. С. 182, 184; и др.

¹³⁶ Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. С. 146.

¹³⁷ Максимова И.Е. Военное дело у сымско-кетских эвенков // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 100.

¹³⁸ Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 190.

¹³⁹ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб., 1891. Вып. III. С. 114.

¹⁴⁰ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям... Вып. IV. С. 103.

¹⁴¹ Яковлев Я.А. Вооружение и военное дело дорусского населения Северо-Западной Сибири (по материалам фольклора) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 188.

¹⁴² Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям... Вып. IV. С. 53.

¹⁴³ Топор - символ Святого Матфея (Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. С. 176). Он же входил или входит в число государственных символов в Древнем Риме, Белизе, Боливии, Гамбии, Замбии, Камеруне, Танзании и Франции.

¹⁴⁴ Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61-90.

¹⁴⁵ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье... С. 46, 57-58.

¹⁴⁶ Оглоблин Н. Остяцкие «знамёна» XVII века ...; Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века... С. 49. Табл. 24-13,28,48; 25; 26-7,14; Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Знамёна манси (вогулов) Пельмского уезда. XVII в.... Табл. 1-38.

¹⁴⁷ Славнин Д.П. Рисунки эвенкийки // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 190.

¹⁴⁸ Сибирские сказки. Новосибирск, 1964. С. 164.

¹⁴⁹ Материалы по фольклору хантов... С. 34.

¹⁵⁰ Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям... Вып. IV. С. 75.

¹⁵¹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов... С. 319, 346.

¹⁵² Осокин Е. Легенды полуночного края. Новосибирск, 1965. С. 9-10; Северная книга. Томск, 1993. С. 272-273.

¹⁵³ Лукина Н.В., Пелих Г.И. К вопросу о «карагасах» Томской области // Сборник научных работ исторических кафедр. Томск, 1963. С. 172.

¹⁵⁴ Парилов Н.Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948. С. 111; Яковлев Я.А. Полевая документация Тымского отряда Археологической экспедиции Томского университета в 1987 г. Дневник / Архив Муз. археологии и этнографии Сибири Томск. гос. ун-та. № 989.

¹⁵⁵ Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: котёл // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С.101-117; Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс...

